

Предисловие

Настоящая брошюра представляет собою исправленную стенограмму доклада, прочитанного автором на курсах марксизма 4 марта 1933 г.

С тех пор имели место важнейшие факты, о которых нельзя не упомянуть. Постановлением ОГПУ расстреляно 35 вредителей в области сельского хозяйства. В особом присутствии Верховного Суда Союза слушалось дело электриков-вредителей, — дело, привлекавшее к себе внимание не только трудящихся нашего Союза, но всего мира и имевшее своим результатом обострение наших отношений с Англией и наложение английским правительством эмбарго (запрещение) на ввоз советских товаров. Наконец, развернувшаяся широко весенняя посевная кампания обнаружила в ряде районов упорное противодействие кулацких элементов, проникших в колхозы, весеннему севу, что в свою очередь вызвало усиление репрессии со стороны судебных органов.

Что все эти факты доказывают? Они прежде всего доказывают глубокую правильность основного утверждения Ленина и тов. Сталина, что недобитые остатки отживающих классов продолжают бешено сопротивляться, и что эту борьбу отнюдь нельзя рассматривать изолированно, как только борьбу, протекающую в СССР: она теснейшим образом связана с борьбой против СССР, которую ведет международная буржуазия.

Эти факты доказывают сверх того, что классовые враги не останавливаются ни перед чем для достижения своих целей. Расстрелянные вредители в области сельского хозяйства пытались организовать голод, пускали в ход чуму, язву, менингит, — были связаны с зарубежной контрреволюцией. Вредители-электрики действовали по договоренности с английскими инженерами, служащими фирмы «Метрополитен Виккерс», а последние в свою очередь были связаны с сотруд-

никами английской разведывательной службы «Интеллидженс-Сервис».

Электростанции выводились из строя, поставлялись заведомо недоброкачественные машины, собирались секретные шпионские сведения военно-государственного значения, подготавливались взрывы, диверсии, аварии на время войны.

14 марта 1933 г. Президиум ЦИК Союза издал специальное постановление, в котором указал, что советские государственные служащие должны нести, как изменники своему отечеству, большую ответственность, чем иностранцы.

Суд ударил главным образом по советским служащим и сравнительно мягко подошел к англичанам. Тем не менее английское правительство позволило себе еще до суда объявить англичан невинными, а после судебного приговора наложило запрет на ввоз наших товаров.

Оба эти факта стоят в теснейшей связи друг с другом. Они должны быть расценены как проявление единого фронта классовых врагов. Факты саботажа весеннего сева со стороны кулацких элементов доказывают, что и по этой линии борьба еще не кончена. Больше чем когда-либо мы должны помнить лозунг тов. Сталина, которым мы заканчиваем нашу брошюру: «Революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо сейчас большевикам».

28 апреля 1933 г.

I. Диктатура как новая форма классовой борьбы пролетариата

Вопрос о формах классовой борьбы на данном этапе упирается в вопрос о характеристике того этапа социалистического строительства, в который мы в настоящее время вступили. Эта характеристика дана в резолюциях XVII партконференции и в решениях партии по вопросу об итогах первой пятилетки и о перспективах второй пятилетки — в резолюциях январского (1933 г.) пленума ЦК и ЦКК. Ключ к пониманию нынешних форм классовой борьбы дан именно в этих документах и в выступлениях вождя партии т. Сталина на пленуме ЦК и ЦКК и на съезде колхозников. Именно в этих документах нужно искать основных указаний не только по вопросу об общей характеристике переживаемого этапа, но и по конкретным вопросам днл, по конкретным вопросам классовой борьбы переживаемого периода.

Но для того, чтобы правильно понять то, с чем и с кем мы в настоящее время имеем дело в классовой борьбе, нужно обратиться к основным принципам диктатуры пролетариата, к основному содержанию этого понятия. Здесь мы почерпнем очень много для того, чтобы понять, как нужно сегодня бороться, против кого и почему на сегодняшнем этапе классовой борьбы формы ее такие, а не иные, почему они сейчас принимают именно эту форму, почему классовый враг прибегает сейчас именно к этим методам, а не иным.

Из основ пролетарской диктатуры надо исходить. И когда мы перейдем к конкретному анализу сегодняшних форм классовой борьбы, вы увидите, как тесно связано объяснение того, почему именно эти формы, а не другие имеют сейчас место, с этими общими понятиями о существовании и задачах диктатуры пролетариата в переходный период.

Как определял т. Ленин диктатуру пролетариата?

«Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». (Ленин, т. IX, стр. 119).

Эта формула наиболее четко определяет существо диктатуры пролетариата как власти, ее отношение к законам, и метод, которым она действует. Но этим еще не сказано, однако, против кого, против чего направляется эта власть и чем вызван именно этот ее характер. Об этом мы тоже имеем указание т. Ленина. Основное в диктатуре пролетариата — это борьба против бывших эксплуататоров, против класса эксплуататоров, которые господствовали в период капиталистического строя и которые всю силу своей государственной власти направляли на эксплуатацию, угнетение и подавление рабочих масс и трудящихся.

«Эта диктатура предполагает, — говорит Ленин, — применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата» (т. XXIV, стр. 314).

Однако, указывая на это, Ленин говорит, что диктатура не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие, и сразу подчеркивает и выделяет две черты, определяющие существо диктатуры пролетариата и ее назначение в определенные исторические периоды.

«Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя — пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членом общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком» (там же).

Вот что характеризует диктатуру пролетариата. Цель ее — уничтожить классы, создать бесклассовое общество.

«Эту цель, — говорит Ленин — нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму и потому, что переоргани-

зация производства — вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанию может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата как периоде перехода от капитализма к социализму» (там же).

Итак, вот элементы, которые образуют историческое понятие диктатуры. Сущность ее — власть, опирающаяся на насилие, цель ее — уничтожение классов, создание бесклассового общества, в котором была бы невозможна эксплуатация. Эта цель может быть достигнута только в длительный период, а не сразу. Для того чтобы ее провести, нужно, во-первых, реорганизовать производство, во-вторых, нужно произвести коренные перемены во всех областях жизни и «преодолеть громадную силу привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанию», что может быть достигнуто только в очень долгой и упорной борьбе.

И вот как только мы подходим к анализу этого определения, вы видите, как отсюда протягиваются нити к сегодняшнему дню, к сегодняшним формам борьбы и к сегодняшним трудностям. Диктатура пролетариата у нас насчитывает уже 15 лет. Длительный период — уже факт. Четко поставлена XVII партконференцией задача реорганизации экономики, с одной стороны, и переделки сознания, с другой стороны. Они вытекают из определения диктатуры, как оно дано у Ленина. У т. Сталина мы находим дальнейшую четкую конкретизацию этих основных моментов. Задача диктатуры (по формулировке т. Сталина) сводится к следующему:

«1. Использование власти пролетариата для подавления эксплуататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2. Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3. Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства.

Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон. Ни одна из этих сторон не может быть выдвинута как *единственно* характерный признак диктатуры пролетариата, и наоборот, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы диктатура пролетариата перестала быть диктатурой в обстановке капиталистического окружения. Поэтому ни одна из этих трех сторон не может быть исключена без опасности исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата» (Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 9, стр. 201).

Вот четкое и выпуклое определение сущности диктатуры пролетариата как исторического явления. Вы видите, что из этих определений вытекает, равным образом, целый ряд конкретных указаний для сегодняшнего дня, ибо все эти задачи еще не разрешены до конца.

Но это еще не все. Тов. Сталин указывает:

«Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы» (там же).

Наша с вами задача — определить: на сегодняшнем этапе какая из этих трех сторон, из этих трех наиболее существенных моментов, определяющих историческое понятие о диктатуре пролетариата, *какая из них наиболее важна сегодня* и в каком отношении они находятся друг к другу на сегодняшний день? Задача подавления эксплуататоров, задача прямой борьбы с враждебными классами, как стоит она и в каком отношении находится к задаче руководства пролетариатом трудящимися массами? и в каком отношении она находится к задаче построения бесклассового общества, общества, построенного на максимально развитой машинной технике? В каком отношении эти задачи ставятся сейчас, какая из них довлеет больше и какая меньше, чем вчера или может быть, будет довлеть завтра? Только исходя из такого диалектического подхода к тому, что есть у нас сейчас, мы можем разрешить вопрос, который мы поставили, — о формах классовой борьбы и об основных методах нашей борьбы на сегод-

няшний период. Я сказал, что главный ответ на это дан в основных партийных документах. Из резолюции XVII партконференции я возьму прекрасно вам известный, конечно, абзац, который говорит:

«Конференция считает, что основной политической задачей второй пятилетки является *окончательная* ликвидация капиталистических элементов и классов вообще».

Это значит, что начало этой ликвидации положено не сегодня. Это значит, что задача не стоит перед нами сегодня в той ее первой формулировке, как она стояла в октябрьские дни.

XVII конференция говорит дальше о полном уничтожении причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, как задаче второй пятилетки. О *полном* уничтожении. Ибо уничтожение в основном уже есть. Оно дано с момента экспроприации капиталистов как класса. Оно дано с момента уничтожения политической и экономической мощи капиталистов. Но задача полного уничтожения еще стоит перед нами.

Вторая задача:

«Преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» (резолюция XVII партконференции).

Эта задача не может считаться разрешенной в той мере, как первая. Стало быть, *полное* уничтожение капиталистических классов, полное «преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей» — вот очередная задача.

Уничтожение классов никогда не мыслилось марксистами-ленинцами как процесс постепенного потухания классовой борьбы, мирного «врастания» кулачества в социализм. Классы уничтожаются в процессе ожесточенной классовой борьбы.

«Уничтожение классов, — говорит Ленин, — дело долгой, трудной, упорной *классовой* борьбы, которая после свержения *власти* капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма !!

старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» (т. XXIV, стр. 315).

Диалектика действительности целиком оправдала эти слова. Классовый враг, отступая в беспорядке, мародерствует в тылу великой социалистической стройки, укрываясь за своей оппортунистической агентурой, пытающейся ослабить мощь диктатуры пролетариата. Это особенно четко подчеркнул т. Сталин на январском пленуме, указав:

«Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии. Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления».

XVII партконференция говорит, что основной задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще. Значит ли это, что уничтожение капиталистических элементов стоит как вопрос, который будет непосредственно разрешен в ближайшее время полностью и целиком на все 100%?

Мы знаем, как ставил вопрос Ленин. Он говорил, что государства не будет тогда, —

«...когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туеядцев, барачей, мошенников и т. п. «хранителей традиций капитализма», тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сантиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой» (изд. 2, т. XXI, стр. 441).

Было бы в величайшей степени ошибочным, если бы мы полагали, что построение такого общества на завтра или даже в течение этой пятилетки можно было бы закончить. Это было бы слишком самонадеянно. Это цель, к которой мы идем. А вот сегодня что у нас есть?

Прежде чем перейти к вопросу о том, что у нас есть сегодня, я еще остановлюсь на нескольких общих положениях, которые нам также нужно усвоить, чтобы впоследствии более точно и безошибочно разбираться в конкретных формах нашей борьбы. У Ленина есть указание не только на задачи диктатуры, не только на цели диктатуры, но и на методы, которыми пользуется рабочий класс в период диктатуры. Этих методов два, отвечающих тем основным задачам, которые он формулирует. Ленин в докладе на VIII съезде советов (декабрь 1920 г.) говорил:

«Диктатура пролетариата была успешна потому, что умела соединять принуждение и убеждение. Диктатура пролетариата не боится принуждения и резкого, решительного, беспощадного выражения государственного принуждения, ибо передовой класс, более всего угнетавшийся капитализмом, имеет право осуществлять это принуждение» (т. XXVI, стр. 32).

Принуждение и убеждение есть постоянный двуединый метод, которым мы действуем в период диктатуры. На X съезде партии Ленин в речи о профессиональных союзах говорил:

«Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить» (т. XXVI стр. 235).

В другом месте, в полемике с Даном он говорит:

«Дан утверждает, что я стою за одно принуждение, — это не верно».

Итак, принуждение и убеждение — вот два метода, которыми пользуется диктатура пролетариата, причем принуждение он употребляет, прежде всего и главным образом, против эксплуататорских классов, но не отказывается от принуждения и по отношению целого ряда прослоек и слоев из среды идущих за рабочим классом, руководимых рабочим классом трудящихся масс, даже из среды самого рабочего

класса. Было бы неправильным и неверным, формальным, механическим подходом, если бы мы сказали, что только по отношению к классу эксплуататоров мы применяли принуждение, — бей его сколько влезет! — а по отношению к всем слоям и группам трудящихся только убеждение — цацкайся со всеми без исключения и больше ничего! Это была бы неверная постановка вопроса.

По отношению к одним элементам преимущественно подлeжит применению убеждение, по отношению к другим — принуждение. В то же время само принуждение убеждает и убеждение принуждает. Наконец, после того, как работа по убеждению проведена, после того, как большинство убедилось в правильности того или иного шага, государство *принуждает* всех следовать по намеченному пути. Значит и сейчас, на сегодняшний день принуждение и убеждение остаются. Но когда мы будем разбирать формы классового сопротивления, вы увидите, как мы будем сочетать оба эти метода по отношению к каждой категории классово враждебных, а иногда близких к нам элементов, с которыми приходится, однако, вести борьбу на том историческом этапе, на котором мы сейчас находимся.

Вот этими общими замечаниями можно ограничиться. Они необходимы нам для того, чтобы при анализе конкретной живой действительности мы могли бы каждое свое положение, каждый свой практический метод обосновать общими нашими воззрениями, общими нашими взглядами на существо и задачи пролетарской диктатуры.

II. Беспощадно подавлять сопротивление эксплуататоров

А теперь для ответа на вопрос: как и против кого мы будем действовать сегодня, мы и поставим, прежде всего, основной вопрос: *кого мы сегодня имеем против себя, какова на сегодняшний день расстановка классовых сил?* Какова она у нас, в СССР, и какова она не только у нас, в СССР? Мы знаем, что мы живем не под стеклянным колпаком. Окружающий капиталистический мир существует и отнюдь не хочет уходить без боя. Он наступает, дерется, борется, нападает, сопротивляется. Поэтому нельзя его сбросить со счета.

Кого же мы имеем против себя сейчас? Мы имели против себя в период Октябрьской революции основной руководящий класс — буржуазию, класс помещичьего землевладения, мелкую буржуазию и целый ряд тех прослоек капиталистического общества, которые мы хотели низвергнуть и низвергли, но с которыми мы должны были выдержать большую борьбу. Первое, из чего мы должны сегодня исходить, будет следующее:

Октябрьская революция не только поставила своей целью уничтожить классы, — она их в определенной степени уничтожила. На съезде колхозников т. Сталин сказал:

«...Октябрьская революция помогла им (крестьянам) смахнуть с плеч помещиков и капиталистов, ростовщиков и кулаков, купцов и спекулянтов».

Значит, капиталисты как класс, помещики как класс, купцы, спекулянты как класс в историческом процессе революции уже уничтожены — Октябрьская революция их смахнула, уничтожила, ликвидировала как класс. Что это значит? Помещики и капиталисты как экономически господствующий класс с момента Октябрьской революции не существуют. Капиталистов нет у нас в СССР, помещиков нет у нас в СССР. Представителей торгового капитала, представителей банковского капитала, биржевого капитала — их нет у нас в СССР как класса. Ни как политическая, ни как экономическая сила они не существуют у нас в СССР.

А за границей? «Торгпром», который диктовал Рамзину его вредительскую работу, существует? Рябушинский, Гукасов, Нобель, Морозов, Лианозов и остальные существуют? Как люди они существуют. Как класс они у нас не существуют, но в Париже существуют. В период до Октября, после Февральской революции, они успели перенести свою экономическую мощь туда. Когда Пуанкаре с ними разговаривает, он не ради их прекрасных глаз делает это. Наконец, тот же Нобель или Деттердинг как вожди буржуазной Европы, которая целым рядом нитей — политических, экономических, торговых и пр. — связана с этими остатками наших бывших помещичьих и капиталистических классов, — они тоже существуют.

Следовательно, вне пределов СССР этот класс в лице своих

остатков существует. Но на территории СССР они не существуют как класс, но, как люди существуют. И они существуют со всеми присущими им как представителям определенного класса чертами, т. е. определенной совокупностью классовых интересов, определенным пониманием своих классовых интересов, определенными действиями, направленными в защиту этих классовых интересов, определенными симпатиями, традициями, взглядами, навыками и т. д. Это мы можем сказать и по отношению к классу капиталистов, и по отношению к классу помещиков. Они уничтожены и политически и экономически как класс, но они остались, существуют как человеческая пыль, и как человеческая пыль, как аморфная раздробленная масса они все-таки факт и в своей совокупности они представляют собой определенный весомый, правда небольшой, но весомый, политический остаток прежних господствующих классов. Это то, что вытекает из самого беглого обзора сегодняшней реальной действительности, и этого мы не можем забывать. Когда на съезде колхозников т. Сталин говорит:

«Да и не легко теперь эксплуатировать кого-либо, так как частной собственности на землю или аренды нет у нас больше, машины и тракторы принадлежат государству, а люди, владеющие капиталом, не в моде теперь в колхозах», — он прав. Но несмотря на то, что не легко теперь им эксплуатировать кого-либо, но тенденция к эксплуатации, желание к эксплуатации у них есть, и, как мы это увидим дальше, имеются и некоторые возможности. И, во всяком случае, имеется по отношению к нам люта́я ненависть. Этого мы не можем забывать, и поэтому на первый вопрос относительно того, что у нас сейчас есть, мы должны сказать что у нас есть остатки прежних эксплуататорских классов, распыленные, раздробленные, а за границей — организованные, тысячами нитей связанные с международным капиталом, связанные с ними единством классовых интересов и противоположностью этих интересов по отношению к социализму СССР, отнюдь не склонные складывать оружие в борьбе против нас. Сегодня, на 16 году революции, после 15 лет пролетарской диктатуры все это еще есть. Ленин в «Детской болезни левизны» писал:

«Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удешевлено ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала» (т. XXV, стр. 173).

Он говорит: «сопротивление которой удешевлено ее свержением».

О том же говорит Сталин на январском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК. Последние остатки умирающих классов, —

«именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти».

Вот что мы имеем на сегодняшний день! Вот почему резолюция XVII партконференции в том ее абзаце, где она говорит о будущих формах классовой борьбы, целиком упирается именно в эту сегодняшнюю реальную действительность и говорит о ней:

«Это означает, что и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки, что вместе с тем подчеркивает неизбежность сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся, неизбежность еще в течение длительного времени проникновения чуждых пролетариату классовых влияний в среду рабочих и даже в партию».

Вот что сказала XVII партконференция. Эти остатки еще есть. Складывать оружие они не хотят. Связаны они со всей мощью международного капитала. Формы борьбы у них самые разнообразные. Они не останавливаются перед преступлением, и в будущем еще неизбежно обострение классовой борьбы на целом ряде участков нашего хозяйственного и политического фронта.

Задача наша, которая отсюда вытекает, — задача ясная: добить, уничтожить. И эта задача остается у нас не снятой до сегодняшнего дня.

«Сильная и мощная диктатура пролетариата — вот что нам нужно теперь, — говорил т. Сталин на последнем пленуме ЦК, — для того чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации...

Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено».

Вот ответ, который мы получаем на общий вопрос о том, что мы сейчас имеем в смысле расстановки классовых сил. Наша задача — добить распыленные историей, уничтожаемые нами классы, добить, уничтожить, обезвредить эти остатки.

Но как? Как? Где они — эти остатки? В чем они проявляют свою борьбу? Вот она, — начинается конкретика сегодняшнего дня! Мало сказать — добить. Как, где, в какой области? Где самое главное, где менее важное? Чем объясняется то, что, как говорит конференция, в отдельные моменты возможно даже обострение классовой борьбы на отдельных участках? Чем это объясняется, что влияет на это обострение, какие участки имеются здесь в виду?

На это надо ответить. Мало сказать «вообще» — надо постараться ответить на эти конкретные вопросы. Где, на каких участках, почему на этих участках, а не на других, в чем эта борьба, какие методы борьбы у нас и у них в распоряжении, — понять это не так легко. Здесь надо охватить всю нашу сегодняшнюю жизнь во всем ее разнообразии, и в то же время не запутаться, не сбиться. Нужно иметь в руках критерий, который может показать, где главное и где второстепенное, к чему надо отнести, как к более опасному участку, где менее опасный участок. Здесь на каждом участке надо быть политическим тактиком и стратегом, тем более, что т. Сталин говорит, что остатки враждебных нам классов «апеллируют к отсталым слоям населения, мобилизуя их против советской власти».

Почему они апеллируют к этим слоям населения, нам не классово враждебным? Почему эти слои их слушают? Нако-

нец, что именно они у них слушают? Почему они надеются мобилизовать их против советской власти? Разгадать этот вопрос — значит открыть ту питательную среду, в которой сегодня, на данном этапе, остатки разбитых классов могут найти себе некоторую опору.

Вот что это значит. Так что, чем ближе, чем конкретнее мы подходим к этому вопросу, тем внимательнее здесь приходится присматриваться к конкретной жизни, памятуя об основной формуле марксизма, что истина всегда конкретна.

Какова основная, привычная для нас, форма классовой борьбы со стороны прямого рафинированного классового врага? Какова та форма борьбы, к которой мы привыкли и которую знаем по опыту всего истекшего пережитого нами срока времени, начиная с Октябрьской революции? Это форма контрреволюционной организации, прямой, политически оформленной контрреволюционной организации. Вот с чем мы привыкли иметь дело. Контрреволюционные организации белогвардейщины, «Национального центра», «Тактического центра», какого-нибудь вооруженного «центра» и т. д., — мало ли мы этих «центров» видели за эти 15—16 лет существования советской власти! Контрреволюционная организация эсеров, контрреволюционная организация меньшевиков, контрреволюционные организации по шпионажу, по диверсии, по взрывам, наконец, по вредительству.

Вот то, с чем мы привыкли иметь дело, вот первая конкретная форма борьбы классового врага, которая нам давно знакома. Мы спрашиваем — на сегодняшний день эта конкретная форма есть или нет? Я думаю, что двух ответов здесь не может быть. Есть, конечно. И диверсия, и контрреволюционный заговор, и контрреволюционное вредительство есть. Тот же т. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК говорил:

«... имеются и кое-какие профессора, которые в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т. д.».

Вот она, контрреволюционная организация самых последних дней, самой последней формации! О том же говорил т. Каганович на съезде колхозников — об этой самой контрре-

волюционной вредительской организации, которая ставила своей задачей чумой, менингитом и т. п. наносить нам прямой ущерб.

Ну, а других организаций нет? Есть. Больше того, мы знаем, что в той же самой речи т. Сталин указал, что имеется почва для оживления контрреволюционных организаций и эсеров, и меньшевиков, и контрреволюционных троцкистских организаций. Правда, они не страшны — мы слишком сильны, они слишком слабы, но они есть, пакостить могут, вредительствовать могут. И поэтому первый вопрос стоит так: какая по отношению к ним, к этой форме классового сопротивления должна быть тактика с нашей стороны, какие методы борьбы?

В своей речи на совещании хозяйственников т. Сталин указывал на поворот, который начался среди старой технической интеллигенции, что значительная часть активных вредителей, убедившись в успехах социализма по всему фронту, начала работать на ряде заводов и фабрик заодно с рабочим классом. По отношению к этой части старой технической интеллигенции мы от политики разгрома перешли к другой политике. Но это не значит, что вредительства больше не будет. Тов. Сталин в той же речи правильно подчеркивал, что «вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение». Жизнь подтвердила правильность этих слов, и если старые спецы снова начнут вредить, мы не будем их гладить по головке. Нет, мы будем их так же, как и раньше, громить и уничтожать. По отношению к прямым контрреволюционерам наша тактика дальше будет та же, что и раньше. Это тактика революционного насилия, разгрома и подавления. Эта тактика во все не является для нас самоцелью, насилие мы любим не ради насилия. У В. И. Ленина есть интереснейшее место в его выступлениях, которые относятся к самому начальному периоду революции, непосредственно после Октября. Он указывал там следующее:

«Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы арестовываем и сегодня мы арестовали директора Государственного банка. Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые

гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять. И, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила. Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку в том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается» (изд. II, т. XXII, стр. 50).

К сожалению, недолго продолжалось такое время, когда по отношению к классовым врагам мы могли ограничиться таким мероприятием, как подписка. Социализм вообще против насилия над людьми, указывал Ленин, но раз борьба — так борьба. И он говорил:

«Вы вызвали нас на борьбу в самой отчаянной форме в октябре, в ответ на это мы выдвинули террор и тройной террор, а если еще потребуется, если вы нас вынудите, выдвинем еще. Ни один рабочий, ни один крестьянин не сомневаются в том, что террор против врагов трудящихся необходим. Кроме интеллигентских кликуш никто в этом не сомневается».

Вот как поставила пролетарская революция вопрос о методах борьбы против классового врага. Владимир Ильич Ленин в другом месте говорил:

«Мыслима ли пролетарская революция, вырастающая из такой войны, без заговора и контрреволюционных покушений со стороны десятков и сотни тысяч офицеров, принадлежащих к классу помещиков и капиталистов? Мыслима ли революционная партия рабочего класса, которая бы не карала за такие выступления смертью в эпоху самой ожесточенной гражданской войны и заговоров буржуазии о вторжении иностранных войск для свержения рабочего правительства? Ни один человек, кроме безнадежных и смешных педантов, не мог бы ответить на эти вопросы иначе, как отрицательно» (изд. 2, т. XXIV, стр. 455—456).

И вот эту тактику террора, а если нужно тройного террора, которую мы выдвинули, мы выдвигаем и теперь против любой контрреволюционной организации, против этой формы классового сопротивления рафинированного, взятого в его химически чистом виде классового врага.

Такова первая форма классового сопротивления, которая имеет место сегодня, и такова наша тактика по отношению

к ней — тактика беспощадного подавления, беспощадного уничтожения и беспощадного террора. Этот принцип расправы с классовым врагом мы проводим сейчас и по суду, и без суда, в порядке **судебного приговора ОГПУ**, в зависимости от обстоятельств, и ничего зазорного и неприемлемого для себя в этом не видим. Мы сказали им словами Энгельса: «Стреляйте первые, господа буржуа!» Они начали стрельбу. Так не прогневайтесь. Вот что приходится сказать об этой первой форме.

III. Роль репрессии в борьбе с деклассированными элементами

Но это не все, — если бы дело ограничивалось на данном этапе только этими контрреволюционными организациями, это было бы очень хорошо, это было бы совсем легко. Но дело обстоит несколько сложнее и приходится поэтому подходить к анализу и других форм классового сопротивления.

Какие же это другие формы? У Ленина мы находим ряд указаний относительно роли, которую в эпоху революции, в эпоху революционных переворотов и революционных сдвигов играют так называемые **элементы разложения** старого капиталистического общества. Эти элементы разложения — бандиты, воры, хулиганы. Они, как он говорит в другом месте, не могут себя не показать в определенные исторические периоды. В эпоху ломки старого общества, в эпоху революции эти деклассированные элементы выпирают и работают. С самого начала Ленин говорил о том, что эти элементы, родственные старым эксплуататорским классам, являются теми элементами сопротивления, которые смыкаются с классовым врагом и служат ему.

Когда т. Молотов говорил в своем докладе на партконференции о связи между бандитскими элементами и капиталистическим миром САСШ, в частности о знаменитом Аль-Капоне и о связи его с властью имущими, он по существу повторял в конкретной форме то, о чем в общей форме говорил Владимир Ильич Ленин, — об этих элементах разложения, о роли их в капиталистических странах и их «работе» в эпоху революционных сдвигов.

«Пойманных бандитов, рвачей, авантюристов мы расстреливаем и расстреливать будем», — говорил Ленин, потому что они в эти исторические периоды не могут не вредить. В брошюре «Очередные задачи советской власти» (апрель 1918 г.) Ленин писал:

«Разумеется, все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией (ибо ее всякая борьба и всякий кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте, а «показать себя» элементы разложения не могут иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляции, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и нужна железная рука» (т. XXII, стр. 459).

В статье «Как организовать соревнование» (январь 1918 г.) т. Ленин говорил:

«Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние — родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества».

«Богатые и жулики — это две стороны одной медали, это два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении были бы величайшим преступлением перед социализмом» (т. XXI, стр. 164). Вот как писал т. Ленин.

Я спрашиваю, на сегодняшний день вот эта форма дезорганизации социалистических порядков, дезорганизации социалистического общежития, вот эти последыши капиталистического мира, вот эти вышибленные из старой привычной колеи остатки прежних классов, спустившиеся на дно, организующие и бандитизм, и преступление, и хулиганство, подрывающие создаваемые нами формы общежития, — есть они у нас? Есть. Если мы возьмем уголовную статисти-

ку, то увидим, что мы имели в определенный период крупный рост так называемого хулиганства в наиболее диких его формах (скажем, такой форме, как чубаровщина, в виде коллективного насилия над женщиной на улице). Эти элементы разложения капиталистического общества неизбежны в период больших революционных переворотов и сдвигов, когда рушатся целые классы и обломки их рассыпаются во все стороны, — они есть и у нас.

Тов. Постышев был совершенно прав, когда он указывал, что «увеличилось в стране количество деклассированных элементов из среды разгромленного кулачества и разоренной городской буржуазии» («Основные задачи советской юстиции на современном этапе»).

Вот почему, как бы не был незначителен их удельный вес в политическом отношении, мы не можем скинуть их со счетов, когда хотим исчерпывающим образом определить все те конкретные формы, которые на сегодняшний день мы имеем, и вместе с тем определить методы борьбы против них. Тактика тут та же. Тактика подавления.

Но эти элементы могут действовать на улице и они могут действовать и не на улице — они могут действовать путем бандитских налетов и они могут действовать непосредственно в нашем госаппарате. Ленин писал относительно примазавшихся к коммунистам чиновников, помещиков, буржуа и т. д.:

«Уклонение в худшую сторону это — злоупотребления примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством. Тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно» (т. XXVI, стр. 343).

Вот другая форма, которой борются против нас остатки капиталистических элементов, начиная от бандитов, хулиганов, деклассированных элементов и авантюристов, во-первых, и кончая запрытанными, притаившимися в нашем советском аппарате теми же элементами. И та и другая форма на сегодняшний день у нас еще есть. И с той и с другой формой по сегодняшний день приходится бороться. И бороться с ними не так легко.

IV. Решительно бороться со спекуляцией

В первый период нэпа была еще одна категория классовых врагов, против которых надо было принимать меры подавления. Это были *частные торговцы и предприниматели*, представители частного капитала, которых мы допускали в первый период нэпа в определенных пределах, в определенных границах, устанавливаемых государством и партией. Ленин говорил тогда по этому поводу:

«Суд у нас пролетарский и суд у нас сумеет посмотреть за каждым частным предпринимателем, чтобы законы писались для них не так, как они пишутся в буржуазных государствах; недавно в Москве этот пример был, и все вы хорошо знаете, что мы число этих примеров умножим, строго карая попытки нарушения наших законов господами частными предпринимателями» (т. XXVII, стр. 136).

Этот слой классово враждебных элементов существовал легально в первый период нэпа. Есть ли он у нас сейчас? На пленуме ЦК т. Сталин по этому поводу сказал:

«Мы добились того, что за последний период вышибли совершенно из товарооборота частных торговцев, купцов, посредников всякого рода. Конечно, это не исключает того, что могут вновь появиться в товарообороте по закону атавизма частные торговцы и спекулянты, используя для этого наиболее удобное для них поле, а именно — колхозную торговлю...»

«Но против этих нездоровых явлений у нас имеется недавно изданный закон советской власти о мерах пресечения спекуляции и наказания спекулянтов. Вы знаете, конечно, что закон этот не страдает особой мягкостью. Вы поймете, конечно, что такого закона не было и не могло быть в условиях первой стадии нэпа».

Итак, и на сегодняшний день, несмотря на то, что в основном этой категории не существует, мы имеем совершенно определенную, четкую форму их классового сопротивления в виде попытки использовать формы колхозной торговли. Представители частного капитала, частных посредников, спекулянтов и перекупщиков, которых мы легализовали в определенный период нэпа, которых мы вышибли в период даль-

нейшего социалистического наступления, но которые сего-дня еще существуют, используют формы колхозной торговли для себя, для противопоставления своей торговли нашей торговле, своих методов торговли — нашим методам, своих целей частного обогащения — нашим социалистическим целям.

«Советскую торговлю, — говорит т. Сталин, — нельзя ставить на одну доску с торговлей на первой стадии нэпа, хотя бы и регулируемой государством... Советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших, торговля без спекулянтов малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития...» (речь на пленуме ЦК и ЦКК).

Вот что мы имеем на сегодня.

Что же, спрашиваем мы, эта форма классовой борьбы, классового сопротивления — серьезный это участок или не-серьезный? Я думаю, каждый из вас скажет, что это тот метод классовой борьбы, тот метод классового сопротивления, против которого мы на сегодняшний день даже еще не развернули борьбы как следует.

Не сумели развернуть. Недавно я проверял состав московских тюрем, по каким статьям и за какие преступления в них сидят? Оказалось, что эта категория отнюдь не главенствующая, а по удельному весу она должна была бы занимать очень значительное место, ибо этих спекулянтов малых и больших у нас не мало, у нас их больше чем достаточно, и эти спекулянты малые и большие спекулируют и существуют не только на рынке, они существуют в нашем аппарате, в нашем товаропроводящем аппарате, в нашем кооперативном аппарате, в нашем аппарате госторговли. Они есть и они там действуют так, как они привыкли действовать, — противопоставляя нашей торговле свою торговлю и свои методы

Каковы принципы их торговли, каковы принципы их отношения к потребителю? Отношение их к потребителю выражается следующей формулой: «лопай, что дают» — это первое, а второе — «тащи то, что плохо лежит». И, наконец, третий принцип: «побольше прибыли для себя, не считаясь с интересами общепланового хозяйства, общих задач социалистической торговли и социалистического товарооборота».

Спекулятивная торговля, спекулянты, перекупщики, срывающие колхозную торговлю, сидящие в наших торговых аппаратах и кооперативных аппаратах и не сидящие, а действующие вне их, — вот третья форма, которая на сегодняшний день имеет очень большое значение и в значительной мере мешает, подрывает, дезорганизует нашу постановку дела распределения и дела снабжения.

Сегодня только я читал проект декрета СНК СССР (собственно говоря, теперь это уже закон), который предлагает соответствующие меры против растрат в кооперативной торговле, устанавливает определенные методы не только денежного учета, но и материального учета отпускаемого товара, устанавливает формы контроля и т. д. Чем это вызвано? Это вызвано тем, что у нас нет сейчас по всей вероятности ни одной отрасли госторговли или кооперации, где бы этого жутья не было. Я недавно приехал в Ленинград просмотреть несколько дел из этой категории и просил показать наиболее яркие из них. Я хотел посмотреть методы этих прохвостов, как они действуют. Мне говорят: вот Союзмолоко, вот Союзовошь, вот Союзсено, вот еще какой-то союз — выбирайте. Это, к сожалению, печальный факт. Несмотря на целый ряд применяемых мер, мы важнейшего указания т. Ленина — научиться торговать нам самим — далеко еще не реализовали.

И эта форма классового сопротивления, она есть. Против нее мы применяем меры подавления. Закон о спекуляции от 23 августа 1932 г. устанавливает по отношению к спекулянтам как минимальную репрессию — 5 лет лишения свободы. Но мы еще далеко не полностью развернули в этом отношении борьбу.

Как ставился этот вопрос Лениным в 1918—1919 гг., когда борьба за хлеб была борьбой за социализм в наиболее ожесточенной форме, в форме продрозверстки? Вы знаете, что в этот момент мешечничество являлось одним из очень тяжелых участков, на которых эту борьбу приходилось проводить.

Вот как Ленин ставил тогда вопрос не по отношению к спекулянтам-перекупщикам, не по отношению к спекулянтам-торговцам, а и по отношению к единоличникам того времени:

«Если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что, может быть, если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по 6 руб., а продаст спекулянтам или продаст измученному, истерзанному голодом городскому рабочему, который пришел с голодной семьей, который даст 200 руб. за пуд,— такой крестьянин, который прячет сотни пудов, который выдерживает их, чтобы повысить цену и получить даже по 1000 руб. за пуд, превращается в эксплуататора — хуже разбойника» (т. XXIII, стр. 86).

Вот как ставил вопрос т. Ленин даже по отношению к тому, кто собрал эти сотни пудов хлеба своим трудом без всякого наемного труда. Вот как должно ставить вопрос тогда, когда эти формы сопротивления старого, прежнего мелкого собственника приобретают характер массовый и когда они протекают в атмосфере продовольственного кризиса и недостатка продуктов питания для городов и армии. На V съезде советов (июль 1918 г.) Ленин говорил:

«Кто знает, что народ терпит несказанные муки голода, но не хочет продавать хлеб по ценам, по которым продают средние крестьяне, те враги народа, губят революцию и поддерживают насилие, те — друзья капиталистов. Война им и война беспощадная» (т. XXIII, стр. 127).

Эти формулы т. Ленина мы должны вспомнить сейчас, когда ставим вопрос о том, как бороться против тех спекулянтов и перекупщиков, малых и больших, которые и сейчас действуют, срывают колхозную торговлю, расхищают хлеб, подрывают плановое хозяйство, дезорганизуют снабжение городов и промышленных центров.

Вот третья категория, борьба с которой далеко не закончена. Поэтому нам на сегодняшний день, даже при условии, что классы эксплуататоров разбиты и уничтожены, нельзя думать о том, чтобы складывать оружие.

V. Кулак—бешеный враг советской власти

Четвертая категория, категория особенно важная — это кулачье. Там, где кулачество ликвидировано как класс, и там

кулаки все же остались, проникнув в колхозы; там же, где мы еще не перешли окончательно к политике ликвидации кулачества как класса, там, где они еще существуют на основе единоличного хозяйства, там они ведут с нами войну. Кулачество Ленин называл последним эксплуататорским классом. Как он характеризовал кулачье?

«Кулаки — бешеный враг советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстание кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом — никогда.

И поэтому бой против кулаков мы называем последним решительным боем... Слово «последний» бой означает, что последний и самый многочисленный из эксплуататорских классов восстал против нас в нашей стране.

Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. И все же — кулаки меньшинство в народе» (т. XXIII, стр. 206—207).

В другом месте Ленин говорит о том, что кулаки как раз те, которые в истории не раз способствовали тому, чтобы появлялись Кавеньяки и Наполеоны и этим душили народную революцию.

Кулаки на сегодняшний день еще существуют. Не придется спорить по этому вопросу. Борются? Борются. Сопро-тивляются? Спротивляются. На январском пленуме ЦК и ЦКК . Сталин указал:

«В результате осуществления пятилетки мы добились того, то вышибли в конец последние остатки враждебных классов из их производственных позиций, разгромили кулачество и подготовили почву для его уничтожения».

Но не уничтожили, а подготовили почву для его уничтожения. Вот почему на сегодняшний день нужно четко сказать, что с кулаками борьба далеко не закончена. Более того, борьба с кулацким сопротивлением представляет собой один из самых важных, самых ответственных и самых реша-

ющих в некоторых отношениях участков нашего политического и хозяйственного фронта.

Итак, товарищи, вот четыре основных формы классовой борьбы нынешнего этапа: 1) контрреволюционные организации, 2) элементы бандитизма и разложения в наших учреждениях и вне их, 3) спекулятивная торговля, 4) кулацкое сопротивление. Во всех этих четырех формах классовый враг выступает, так сказать, в чистом виде.

VI. Борьба за охрану социалистической собственности

И здесь мы должны подойти к самому серьезному вопросу, к вопросу о том, что питает их сопротивление, на чем они базируются, почему они могут пакостить, почему они могут «апеллировать к другим слоям населения» и к каким именно слоям населения? Это самый трудный участок нашего фронта на сегодняшний день, самый трудный и опасный участок. В чем тут суть? Суть, товарищи, заключается в том, что в настоящее время еще не покончено с той обстановкой, которая дает возможность развиваться этим слоям населения. Тов. Сталин на январском пленуме ЦК говорил:

«Задача пятилетки по сельскому хозяйству состояла в том, чтобы превратить СССР из страны мелкокрестьянской и отсталой в страну крупного сельского хозяйства, организованного на базе коллективного труда и дающего наибольшую товарность...»

«Партия добилась того, что в продолжении каких-нибудь трех лет она сумела организовать более 200 тысяч коллективных хозяйств и около 5 тысяч совхозов зернового и животноводческого направления, добившись одновременно расширения посевных площадей за четыре года на 21 миллион гектар.

Партия добилась того, что колхозы объединяют теперь свыше 60% крестьянских хозяйств с охватом свыше 70% всех крестьянских площадей...

Партия добилась того, что СССР уже преобразован из страны мелкокрестьянского хозяйства в страну самого крупного сельского хозяйства в мире»,

Основное зло старой экономики — индивидуальное мелкое сельское хозяйство, основные черты старой с.-х. экономики отходят в прошлое, уже отошли в прошлое. Вот основное завоевание, решающая победа всемирно-исторического значения. В области экономики сельское хозяйство перешло от мелкого индивидуального хозяйства в хозяйство крупного земледелия.

Но носители этого старого, люди, живые люди еще остались. Они уже иные и не иные. Они уже новые и еще старые. И традиции, и навыки, и взгляды старые — они не исчезли и они дают возможность кулачеству и тянущимся к нему элементам крестьянства отстаивать и противопоставлять старую систему хозяйствования, навыки и традиции мелкого собственника — новым социалистическим формам хозяйствования. Каковы в основном принципы мелкого хозяйчика? Ленин говорил:

«Враг, о котором я говорил, это стихия мелкого собственника, живущего одной мыслью: «урвал, что можно, а там хоть трава не расти», — этот враг сильнее всех Корниловых. Дутовых и Калединых, взятых вместе... Из каждого мелкого хозяйчика, из каждого жадного хапателя растет новый Корнилов» (т. XXII, стр. 432, изд. II).

И в другом месте, в брошюре «Очередные задачи советской власти»:

«...Сразу избавиться от дурного наследства капитализма мы не в состоянии... Освободить советскую республику от «дани» в 50 или 100 млн. руб. (дани за нашу собственную отсталость в деле организации всенародного учета и контроля снизу) можно не иначе, как организуясь, подтягивая дисциплину среди самих себя, очищая свою среду от всех «хранящих наследство капитализма», «соблюдающих традиции капитализма», т. е. от лодырей, тунеядцев, казнокрадов (теперь вся земля, все фабрики, все железные дороги и есть «казна» советской республики) (т. XXII, стр. 448).

Вот та питательная среда, в которой и при переходе к новой экономике в сельском хозяйстве все-таки остается громадная сила инерции, громадная сила сопротивления, громадная сила косности, старых взглядов и воззрений, которые могут использовать и используют остатки старых классов,

действующих в этой среде и на сегодняшний день, на сегодняшнем этапе, используя или, как говорит т. Сталин, «апеллируя к отсталым слоям населения», чтобы организовать сопротивление социалистическому строительству, социалистическому переустройству в области сельского хозяйства, торговли, распределения, снабжения, промышленности и т. д.

Вот что на сегодняшний день характеризует те трудности, с которыми нам приходится бороться и благодаря которым (об этом прекрасно говорил т. Сталин в своей речи о работе в деревне) мы, коммунисты, прозевали кое-где, прощляли кое-где — на Украине, на Северном Кавказе, на Нижней Волге — эти новые формы сопротивления классового врага, сумевшего использовать эти старые традиции прежнего мелкого собственника. Ленин писал приведенные ниже слова в 1918 году, а какими вещами оказались они на сегодняшний день:

«Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности» (т. XXII, стр. 460).

Стихия мелкобуржуазной анархичности — вот та среда, в которой сейчас проявляются, которой питаются формы классового сопротивления.

«И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением». (Там же).

То же самое, только еще более конкретно сказал т. Сталин в речи на январском пленуме ЦК и ЦКК:

«Для организации хищений они используют частнособственнические навыки и пережитки колхозников, вчерашних единоличников, а ныне членов колхоза. Вы, как марксисты, должны знать, что сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения. Колхозники по положению уже не единоличники, а коллективисты, но сознание у них пока еще старое, частнособственническое. И вот бывшие люди из рядов эксплуататорских классов используют частнособственнические привычки колхозников, чтобы организовать расхищение общественного имущества и тем поколебать основу советского строя, — общественную собственность».

Вот то, что на сегодняшний день создает нам в громаднейшей степени трудности. Вот то, против чего должны быть нами напряжены сегодня силы борьбы и прежде всего — наше внимание, наша революционная бдительность.

В той же речи т. Сталин еще подробнее расшифровывает, откуда растет эта возможность классового сопротивления. Он говорит:

«Единоличник сам должен был заботиться о своем хозяйстве, ибо ему не на кого было вваливать ответственность за это хозяйство, которое было лишь его личным хозяйством. и не на кого было рассчитывать, кроме самого себя...

Колхоз не есть единоличное хозяйство. Колхозники так и говорят теперь: «колхоз мой и не мой; он мой, но вместе с тем он принадлежит Ивану, Филиппу, Михаилу и другим членам колхоза, колхоз общий...»

На почве непонимания существа социалистической собственности и развивается та форма отношения к общественному имуществу, к общественному хозяйству, которую использует классовый враг для организации новой формы классового сопротивления. У т. Кагановича мы найдем в его речи на съезде колхозников ряд указаний на другие формы использования этого отношения классовым врагом. Вы знаете, что один из существенных прорывов, который у нас сейчас существует в колхозном хозяйстве, — это наше животноводческое хозяйство, вопрос о тягловой силе, вопрос о лошади. Вы знаете, что мы потеряли очень много лошадей на почве зверского уничтожения тягловой силы:

«Каждый из вас знает, — говорит он, — что значит уход за лошадью. Вы прекрасно знаете, что кормить лошадей — это не просто навалить сена или соломы. Важно, когда навалить, как навалить, какую солому, разрубить ли ее на сечку, — полову-мякину, попарить, придержать концентрированные корма до весны, а сейчас кормить другими и т. п.»

И вот:

«...Теперь кулаки и подкулачники не выступают открыто против колхозов, а ведут свою работу изо дня в день, потихонечку, подпускают, что, дескать, лошадь не твоя, чего, мол, волнуешься поить ее во-время. Вам, колхозникам, вам,

передовым ударникам, лучшим людям, вам нужно ответить им твердо: нет шалишь! Государство наше лодырям, рвачам, губящим колхозное дело, даст отпор».

Незачем, мол, лошадь кормить — потерпит, не твоя, мол, лошадь, колхозная! Вот почва, на которой организуется классовое сопротивление врага. Вот психология прежних собственников и ее использует классовый враг для организации классового сопротивления. В. И. Ленин прямо говорил по этому поводу о том, что это стихия, которую мы еще не победили, а т. Сталин, конкретно расшифровывая это, на январском пленуме ЦК и ЦКК указал:

«Многие наши товарищи переоценили силы и возможности самих колхозов как новой формы организации сельского хозяйства. Они не поняли того, что колхоз сам по себе, несмотря на то, что он является социалистической формой хозяйства, далеко еще не гарантирован от всякого рода опасностей и проникновения в руководство колхозом всякого рода контрреволюционных элементов, не гарантирован от того, что при известных условиях колхозы могут быть использованы антисоветскими элементами в своих целях...

...Колхозы и советы представляют лишь форму организации, правда, социалистическую, но все же форму организации. Все зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму».

Итак, т. Сталин прямо говорит, что контрреволюционные элементы могут взять в свои руки колхозы. Ошибаются те, которые, как он говорит, думают, что колхозы — все. Колхозы, — говорит т. Сталин, — не могут быть нейтральными. Они могут быть либо советскими, либо антисоветскими, либо нашими, либо не нашими. Следовательно, в этой питательной среде, на этой почве для классового врага представляются большие возможности. Форма организации не гарантирует еще определенного содержания. Содержание в отдельных колхозах может быть классово-враждебным, контрреволюционным, и мы знаем, что на Украине и на Северном Кавказе мы имели случаи, когда на рельсы классового врага соскальзывали даже представители районных партийных организаций и нужно было против них принимать меры подавления.

«...Лицо классового врага, — говорит т. Сталин, — изменилось за последнее время, изменилась тактика классового врага в деревне, и... сообразно с этим надо изменить свою тактику, чтобы добиться успехов. Враг... перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой».

Тов. Каганович на съезде колхозников говорил о том же. Эти люди не говорят: «долой колхоз, долой хлебозаготовки». Они говорят: «Мы — за колхоз, мы — за хлебозаготовки». Все дело в том, как их проводить? Нужно сдать хлеб государству, но раньше сохранить для себя семенной фонд больше, чем нужно, надо сдать хлеб государству, но раньше сохранить для себя фонд общественного питания больше, чем нужно. А остаточки можно сдать государству. Но раньше выдать колхозникам авансы, под которые будет подведена учеными счетоводами соответствующая цифра. Все это будет приводить к обману государства, к обману партии, к срыву общего плана социалистического хозяйства в области земледелия.

Вот те новые формы классовой борьбы и классового сопротивления, которые на сегодняшний день имеют место и должны быть конкретно учтены, исходя из общего нашего понимания задач классовой борьбы. Что делают еще эти враги? Тов. Сталин говорит: они

«...поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах, совхозах... «Главное в «деятельности» этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищения государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности. Воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение железнодорожных грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях, особенно воровство и хищение в совхозах и колхозах — такова основная форма «деятельности» этих бывших людей. Они чувствуют как бы классовым инстинктом, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напакостить советской власти, и они действительно стараются расшатать общественную собственность путем организации массового воровства и хищения» (речь на январском пленуме ЦК).

Вот почему на сегодняшний день, на сегодняшнем этапе закон 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности является могучим орудием, которое мы пустили сейчас в ход и которое мы не намерены ни в малой степени прятать, не намерены ни в малой степени смягчать. Этот закон говорит: всякий, кто бы ты ни был, если ты покусился на общественную собственность в любой ее форме — денежной, товарной, продуктовой, какой угодно, — подлежишь суду и поэтому суду имеются две санкции: расстрел и 10 лет лишения свободы. В отношении бывших людей — расстрел, в отношении единоличников, трудящихся, колхозников и т. д. — 10 лет лишения свободы, а при отягчающих обстоятельствах — тоже расстрел.

Вот те формы борьбы, которые мы сейчас применяем против этого врага. Я мог бы вам назвать уже реальные цифры лиц, которые уже подпали под действие этого закона. Эти цифры значительны. Мы не намерены ни в малейшей степени притуплять это оружие на ближайшее время. Мы будем его беспощадно со всей строгостью и суровостью применять, потому что, как говорит т. Сталин,

«...Проходить мимо контрреволюционных безобразий, — значит содействовать подрыву советского строя, опирающегося на общественную собственность как на свою базу» (речь на январском пленуме ЦК и ЦКК).

Всякий, кто проходит мимо этого рода хищений, содействует подрыву базы советского строя, общественной собственности. В первую очередь его подрывают кулаки. Но не одни только. Ну, а среди трудящихся? Я приводил слова т. Ленина, когда он говорил о крестьянине, который заработал собственным трудом сотни пудов и продает их голодному рабочему по дорогой цене. Ленин называл этого крестьянина спекулянтом, преступником, худшим разбойником. Мы сейчас в наше время также не можем иначе ставить вопрос. Тов. Сталин говорил на последнем съезде колхозников:

«Я знаю, что одна часть единоличников развратилась окончательно и ушла в спекуляцию».

Правда, другая часть, большая часть единоличников в спекуляцию не ушла, добывает свой хлеб честным трудом, но есть часть, которая развратилась окончательно и ушла в спе-

куляцию. Ну, что же, история выдвинула два пути. 15 лет существования диктатуры — достаточный период времени, чтобы выбрать путь. Пора выбрать. Вот почему мы сейчас ставим вопрос так, что, применяя этот закон, мы применяем как минимум 10-летний срок и тогда, когда мы сталкиваемся с расхищением общественной собственности или спекуляцией и со стороны гражданина из среды трудящихся.

VII. Борьба за трудовую дисциплину

Но если мы это имеем в деревне, спрашивается, а что мы имеем в городе? Сегодня я просматривал донесения Московского областного суда за истекший месяц о применении этого закона. Я просмотрел количество осужденных и кто осужден. Какие категории попали? Там есть значительная прослойка осужденных, вышедших непосредственно с производства. Мелкобуржуазная стихия захватывает не только крестьян, она захватывает и часть рабочих. Ленин писал:

«И труп буржуазного общества, как приходилось уже однажды указывать, нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю. Убитый капитализм умирает, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого» (т. XXIII, стр. 186).

Вот почему сегодня, когда вопрос о построении бесклассового общества поставлен на очередь, когда мы опираемся на энтузиазм миллионной армии ударников, мы можем от имени этих миллионов энтузиастов соцстройки по отношению к тем группам и прослойкам рабочего класса, которые стоят на точке зрения старых капиталистических традиций — урвать побольше и удрать, — поставить вопрос точно так же, как говорил Ленин, т. е. действовать против них не только путем убеждения, но и путем принуждения.

Убеждение — убеждением. Убеждение — это основная мера. Принуждение должно идти за ней. Ленин говорит:

«...Перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по ве-

лению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» (т. XXV, стр. 247).

И в другом месте:

«Шкурников, которые не хотят сочетать интересы своей группы с интересами всех рабочих и крестьян, нам терпеть в рабочей среде нельзя» (т. XXV, стр. 135).

Закон 15 ноября о прогулах есть реализация этого лозунга т. Ленина. Закон 15 ноября о прогулах, об изгнании из рабочей среды тех, кто интересы свои или своей группки ставит выше интересов класса, есть реализация этого ленинского лозунга. И еще много и долго придется поработать в этом отношении, потому что:

«...В каждом классе, даже в условиях наиболее просвещенной страны, даже в самом передовом и обстоятельствами момента поставленном в положение исключительно высокого подъема всех душевных сил, всегда есть и пока существуют классы, пока полностью не укрепилось, не упрочилось, не развилось на своей собственной основе бесклассовое общество, неизбежно будут представители класса, не мыслящие и мыслить не способные. Капитализм не был бы угнетающим массы капитализмом, если бы это не было так» (т. XXV, стр. 210).

Рабочий класс — это класс господствующий. Исходя из классовой солидарности всех рабочих, мы применяем сейчас в пролетарской среде методы общественного воспитания в дисциплинарных, товарищеских, производственных судах на предприятиях, методы, при помощи которых мы ведем борьбу со старыми предрассудками старых капиталистических отношений в рабочей среде. Но есть элементы, на которых такое влияние не действует.

«Но эти элементы, — говорит Ленин, — самое худшее, что осталось от старого капиталистического строя, которые болеют всеми его старыми пороками, мы должны выкинуть вон, удалить, включить в фабрично-заводские предприятия лучшие пролетарские элементы и из них создать ячейки будущей социалистической России» (т. XXII, стр. 216).

Вот как стоит вопрос об еще одной последней форме классового сопротивления, которое имеет место в городах, на про-

изводстве. Это — та же самая борьба с мелкобуржуазной стихией, со стихией расхлябанности, со стихией анархичности, со стихией старых предрассудков.

По отношению к рабочей среде эта борьба, конечно, гораздо легче. Там этих элементов значительно меньше. Общественное мнение рабочего класса гораздо сильнее и мощнее действует на эти отдельные элементы, но есть такие, против которых приходится принимать те же меры. Вот почему специальная инструкция по закону от 7 августа говорит: к тем, кто на фабриках ломает машины, тащит сложные агрегаты и дезорганизует производство, мы применяем тот же закон без послабления. Если рабочий идет спекулировать на рынок, тащит туда общественную собственность — пряжу, готовые продукты, полуфабрикаты, металлы и т. д., — то тем самым он переходит по существу в лагерь противоположный, в лагерь буржуазии. И тогда с ним приходится воевать.

Очень хорошо о существе борьбы с этой мелкобуржуазной стихией говорил В. И. Ленин на VIII съезде советов (декабрь 1920 г.):

«Сухаревка» закрыта, но страшна не та «сухаревка», которая закрыта. Закрыта бывшая «сухаревка» на Сухаревской площади, ее закрыть не трудно. Страшна «сухаревка», которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту «сухаревку» надо закрыть! Эта «сухаревка» есть основа капитализма. Пока она есть, капиталисты в Россию могут вернуться и могут стать более сильными чем мы. Это надо ясно сознать. Это должно быть главным побудителем в нашей работе и условием, меркой наших действительных успехов. Пока мы живем в мелкой крестьянской стране для капитализма в России есть более прочная экономическая база чем для коммунизма» (т. XXVI, стр. 46).

Когда эти слова были сказаны Лениным, не было еще много из того, что есть сейчас. Сейчас уже нет господства прежнего мелкого хозяйства, хозяйство сегодняшнего дня — коллективное хозяйство. Поэтому эти слова т. Ленина о том, что есть еще база для возвращения капитализма — этого для сегодняшнего СССР не существует. Но «сухаревка в душе» — эта «сухаревка» еще есть. «Сухаревка» в душе, эта «сухаревка» еще не закрыта. Вот почему борьба с ней сейчас,

в переводе на классовый язык — борьба с мелкобуржуазной стихией и борьба с классовым сопротивлением на почве этой стихии, на данном этапе, на сегодняшний день является одной из тех форм классовой борьбы, на которую мы должны обратить самое большое и серьезное внимание, ибо как писал т. Ленин:

«Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т. е. большинство населения, или полупролетариев вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие» (т. XXII, стр. 515. «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»).

VIII. Революционная бдительность

Перейдем к последнему вопросу — о тех влияниях, которые эта мелкобуржуазная стихия оказывает на нашу собственную среду, на нас самих, на наши собственные ряды, когда враг в наши собственные ряды забирается и создает свои ячейки. Вот почему и вопрос о чистке партии, о борьбе с жуликами с партбилетом в кармане должен быть поставлен в цепь одних и тех же мер борьбы, которые сейчас применяют партия и правительство против этих остатков старых эксплуататорских классов — гибнущих, осужденных историей классов. Тем более, что за спиной этого носителя мелкособственнических традиций стоят наши старые знакомые — стоят белогвардейцы, стоят белые офицеры, стоит Торгпром. Ленин писал:

«За две недели до кронштадтских событий в парижских газетах уже печаталось, что в Кронштадте восстание. Совершенно ясно, что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев и что вместе с тем движение это свелось к мелкобуржуазной контрреволюции, к мелкобуржуазной анархической стихии» (т. XXVI, стр. 214).

А у нас как протекал процесс Рамзина? Еще до того, когда что-либо было известно о процессе, в парижских газетах печаталось, что будет этот процесс. Они уже знали и уже

стремились реабилитировать этих вредителей. Точно так же и сейчас мы знаем прекрасно, что за спиной сопротивления определенной части единоличников стоит кулацкое сопротивление, за спиной кулацкого сопротивления стоит белогвардейская рука, а за белогвардейской рукой стоит иностранный капитал.

Теперь это уже установленные факты. Теперь это всем нам великолепно известно. Вот почему мы должны о них помнить. И все те, которые приходят к нам и на почве борьбы, которую нам приходится вести с мелкобуржуазной стихией, начинают разводить свои антимонии, — будь то троцкисты, эсеры, меньшевики или правые оппортунисты, которые на этой почве хотят дезорганизовать нашу работу и нашу непримиримую борьбу, — все они получают от нас ответ словами В. И. Ленина:

«...Угодно вам заниматься вашей политикой, — мы вам предоставим место в тюрьме или в других странах, которые начнут вас принимать» (т. XXIV, стр. 238).

Так обстоит дело с теми, которые на почве трудности нашей борьбы хотят нажить тот или другой политический капитал. И это особенно тогда, когда дело касается коммунистов.

«Нельзя винить тех, — говорил Ленин, — кто по бессознательности бросает все, закрывает глаза на все, чтобы выручить себя, какими угодно средствами достать хлеба, но можно винить тех, кто является партийным человеком и, проповедуя хлебную монополию, недостаточно поддерживать сознательность и сплоченность действий» (т. XXIII, стр. 99).

А что делали правые оппортунисты тогда, когда партия определяла линию политики, когда партия призывала к сплоченным действиям для проведения этой политики? Они недостаточно поддерживали сплоченность наших действий, — это очень вежливая формула по отношению к правым оппортунистам, очень вежливое определение сути их работы в тот период, да и в другие периоды. Они являлись дезорганизаторами нашей политики, они мешали, препятствовали работе. И мы поступили с ними так, как и следовало поступить, ибо мы знаем, что за их спиной сплось и рядом стояли другие, отчего и получалась та картина, которую нарисовал В. И. Ленин на XI съезде партии:

«Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты или те и другие, но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, что у руля этой машины сидит» (т. XXVII, стр. 237).

Мы это имеем и сейчас на целом ряде участков нашего колхозного строительства, нашего совхозного строительства, нашего кооперативного строительства. Помните, как «Правда» печатала на черной доске имена директоров совхозов? Сидит человек у руля, правит, а машина идет не туда, куда он ее ведет. Машина вырывается из рук, а очень часто он сам ее направляет не туда, куда нужно. В лучшем случае он — шляпа, в худшем случае — прямой вредитель. По адресу именно такого рода коммунистов т. Ленин писал:

«Самый худший у нас внутренний враг — это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный... Он не научился бороться с волокитой, он не умеет бороться с ней, ее прикрывает. От этого врага мы должны очиститься и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против этой бестолковщины и обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может» (т. XXVII, стр. 178—179).

У Ленина речь шла о волоките, но мы можем отнести эти слова к другим гораздо более сложным участкам борьбы.

Вот как ставил вопрос Ленин о тех коммунистах, которые не стояли зорко на своем посту. Вот почему на пленуме ЦК, отмечая то, что нам сейчас особенно нужно, т. Сталин говорил:

«Революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо сейчас большевикам».

Вот лозунг, который он дал. Формы классового сопротивления сейчас иные, чем раньше. Формы классового сопротив-

ления — это на данном этапе формы борьбы «тихой сапой». Это формы скрытые, пользующиеся остатками старых капиталистических навыков и пережитков, на базе которых классовый враг действует и в недрах самого госаппарата и в промышленности и в деревне, особенно в колхозном строительстве.

Против него мы должны выдвинуть революционную бдительность, сплоченность и четкое понимание основных задач партии в переходный период. Политотделы в деревне, в МТС и совхозах — что это такое? Это сторожевые посты, поставленные сейчас партией на этом ответственнейшем участке соцстроительства. Это сторожевые посты, которые должны, опираясь на актив крестьян-колхозников, на актив местных колхозных парторганизаций, бороться против этого врага, разоблачать его, уничтожать, добивать остатки этих гибнущих, осужденных историей классов.

Но не только, конечно, политотделы МТС и совхозов, а каждый из нас на своем посту должен вести эту борьбу. Лозунг т. Сталина должен быть взят, как основной лозунг сегодняшнего момента: «Революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо сейчас большевикам».

